

В. Г. Белинский

Ответ «Москвитянину»

Виссарион Белинский
Ответ «Москвитянину»

«Public Domain»

1847

Белинский В. Г.

Ответ «Москвитянину» / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1847

«Ответ «Москвитянину» является одной из самых важных статей Белинского и ярким документом идейной борьбы 40-х годов. Она замыкает собой длинный ряд ожесточенных схваток Белинского с славянофилами. Статья явилась ответом на выпад против «Современника» в органе славянофилов «Москвитянине», в котором Ю. Самарин (М... З... К...) поместил резкую статью под названием «О мнениях «Современника», исторических и литературных». Самарин подверг критике статью Белинского «Русская литература за 1846 год», а также статьи – А. В. Никитенко «О современном направлении русской литературы» и К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России». Особенно резко отзывается Самарин о Белинском, давнем и непримиримом противнике славянофильства. Все свои упреки Самарин формулирует следующим образом: «...новый журнал подлежит трем важным обвинениям: во-первых, в отсутствии единства направления и согласия с самим собою; во-вторых, в односторонности и тесноте своего образа мыслей; в-третьих, в искажении образа мыслей противников». Вздорность двух последних обвинений была очевидна, и поэтому Белинский на них не задерживался в своем «Ответе». В отношении же первого, и самого важного, обвинения Белинский поставил вопрос: как понимать «единство» и «согласие»? «Ответ «Москвитянину» является одной из самых важных статей Белинского и ярким документом идейной борьбы 40-х годов. Она замыкает собой длинный ряд ожесточенных схваток Белинского с славянофилами.

© Белинский В. Г., 1847

© Public Domain, 1847

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	11
Комментарии	

Виссарион Григорьевич Белинский

Ответ «Москвитянину»

Появление «Современника» в преобразованном виде, под новою редакциею,^[1] возбудило, как и следовало ожидать, много толков и шуму в разных литературных кругах и кружках, великолепно величающих себя «партиями». Особенное внимание обращено было ими на многие статьи по отделу словесности, как, например: «Кто виноват?», «Обыкновенная история», «Записки охотника». Но до сих пор эти суждения о «Современнике» ограничивались короткими и отрывочными отзывами, иногда похвальными, чаще порицательными, мелкими нападками врассыпную. А вот теперь, во второй части «Москвитянина», вышедшей в сентябре нынешнего года, является большая статья, под названием: «О мнениях «Современника», исторических и литературных».

Если бы тут дело шло только о «Современнике», мы не видели бы никакой необходимости отвечать на эту статью. Одним журнал наш может нравиться, другим не нравиться; это дело личного вкуса, в которое нам всего менее следует вмешиваться. Но статья «Москвитянина» о «Современнике» касается основных начал (принципов) не одного «Современника», но всей русской литературы настоящего времени. Таким образом, спор или полемика теряет тут свое личное значение и переходит в борьбу за идеи. В таком случае молчание с нашей стороны не без основания могло бы быть принято всеми за тайное и невольное согласие с нашими противниками. Вот почему мы считаем себя обязанными возразить на статью «Москвитянина».

В ней рассмотрены три статьи, помещенные в первой книжке «Современника» за нынешний год: «Взгляд на юридический быт древней России» г. Кавелина; «О современном направлении русской литературы» г. Никитенко и «Взгляд на русскую литературу 1846 года» г. Белинского. Статью г. Кавелина критик «Москвитянина» силится уничтожить, выказывая ее будто бы противоречия и опровергая ее основные положения своими собственными; но самого г. Кавелина он оставляет без всякой оценки или критики. Приступая же к разбору статей гг. Никитенко и Белинского, он счел за нужное представить, в легких, но резких очерках, литературную характеристику их авторов. И достается же им от него! Впрочем, строго судя г. Никитенко, критик «Москвитянина» еще помнит русскую пословицу: «Где гнев, тут и милость»; но к г. Белинскому он беспощадно строг; он вышел против него с решительным намерением уничтожить его дотла, с знаменем, на котором огненными буквами написано: *pas de grace!*¹ В своем месте мы остановимся на этом посполитом рушении чужой литературной известности и обнаружим ее тайные причины и побуждения; а теперь начнем разбор статьи нашего грозного аристарха с самого ее начала. Грозен он – нечего сказать; но страшен сон, да милостив бог, а мы не из робкого десятка... Критика была бы, конечно, ужасным оружием для всякого, если бы, к счастью, она сама не подлежала – критике же...

Так как г. Кавелин, статья которого отдельно и с особенной подробностью разобрана критиком «Москвитянина», решился сам отвечать ему, то ответ «Современника» «Москвитянину» будет состоять из двух статей.^[2] Что же касается до г. Никитенко, он и на этот раз остается верным своему «независимому положению в нашей литературе», как выразился о нем критик «Москвитянина», и предоставляет нам ответить за него, в той мере, в какой нужно это для защиты «Современника».

В начале статьи «Москвитянина», в виде интродукции, говорится довольно темно, какими-то намеками, о каком-то «литературном споре между Москвою и Петербургом и о необходимости этого спора»; о том, что «петербургские журналы встретили московское направление с насмешками и самодовольным пренебрежением, придумали для последователей

¹ Без пощады. – *Ред.*

его (то есть московского направления) название староверов и славянофилов, показавшееся им почему-то очень забавным, подтрунивали над мурмолками», и что, «принявши раз этот тон, им было трудно переменить его и сознаться в легкомыслии». В доказательство указывается на «Отечественные записки», которые в особенности погрели тем, что «так называемым славянофилам приписывали то, чего они никогда не говорили и не думали». В свидетели всего этого призываются «московские ученые, не разделяющие образа мыслей *московского направления*». Потом отдается должная справедливость «Отечественным запискам» в том, что «к концу прошлого года и в нынешнем, они значительно переменяли тон и стали добросовестнее всматриваться в тот образ мыслей, которого прежде не удостоивали серьезного взгляда». Вслед за тем читаем следующие строки, которые выписываем вполне: «В это самое время от них («Отечественных записок») отошли некоторые из постоянных их сотрудников и основали новый журнал. От них, разумеется, нельзя было ожидать направления по существу своему нового; но можно и должно было ожидать лучшего, достойнейшего выражения того же направления; всего отраднее было то, что редакцию принял на себя человек, умевший сохранить независимое положение в нашей литературе и не написавший ни одной строки под влиянием страсти или раздраженного самолюбия;^[3] наконец, в новом журнале должны были участвовать лица, издавна живущие в Москве, хорошо знакомые с образом мыслей другой литературной партии и с ее последователями, проводившие с ними несколько лет в постоянных сношениях и узнавшие их без посредства журнальных статей и сплетен, развозимых заезжими посетителями».

Но – увь! – ожидания «Москвитянина», или его критика, г. М... З... К...! не сбылись! «Скажем откровенно (говорит он): первый номер «Современника» не оправдал нашего ожидания. Может быть, мы и ошибаемся,^[4] но, по нашему мнению, новый журнал подлежит трем важным обвинениям: во-первых, в отсутствии единства направления и согласия с самим собою; во-вторых, в односторонности и тесноте своего образа мыслей; в-третьих, в искажении образа мыслей противников».

Остановимся на этом. Увертюра разыграна мастерски и вполне подготовила к впечатлению самой оперы; остается только слушать, восхищаться и аплодировать. Явно, что из трех важных обвинений, взводимых критиком «Москвитянина» на «Современник», в его глазах истинно важно только то, которое он не без умысла поставил последним, как менее других важное. С первых же строк статьи видно, что тут дело собственно не о «Современнике»;

Но умысел другой тут был:

Хозяин музыку любил.^[5] Что такое «московское направление», загадочною речью о котором начинается статья? Разумеется, так называемое славянофильство. Очевидно, что автор статьи – славянофил. Но он не хочет этого названия; он говорит, что его партию окрестили им петербургские журналы. Из этого видно, что он сам чувствует все смешное, заключающееся в этом слове, но он не чувствует, что слово может быть смешно не само собою, а заключенным в нем понятием и что переменить название вещи не значит изменить самую вещь. Петербургские журналы не сговаривались давать название славянофилов литераторам известного образа мыслей; вероятно, они или подслушали его у самих этих литераторов, или извлекли из сущности их учения, альфа и омега которого суть славяне, враждебно и торжественно противопоставляемые гниющему Западу. На свете много охотников называть своих противников смешными или не смешными именами. Это же и не мудрено; но мудрено дать кому-либо такое название, которое бы принято было всеми. Такие удачные названия редко выдумываются кем-нибудь, но принадлежат всем, и никому в особенности. Таково и название славянофилов. Но пусть славянофилы не будут больше славянофилами; нам это все равно: мы не видим важного вопроса не только в названии славянофилов, но даже и в сущности их учения. Итак, пусть они из славянофилов переименуются во что им угодно, но только не в «московское направление»: этого не может допустить здравый смысл. Во-первых, выражение «московское направление» неловко и неудобно для обозначения литературной партии: как называть людей «направлением»? А

во-вторых, – и это главное – почему славянофильство именно *московское* направление? Мы понимаем, что господам славянофилам, живущим в Москве, очень лестно прикрыться именем такого важного в России города, как Москва, и завербовать в свои ряды всех москвичей поголовно; но лестно ли это будет для Москвы и москвичей – вот вопрос! И что на это скажут, с одной стороны, те московские ученые, которые, по словам самого критика «Москвитянина», не разделяют образа мыслей «московского направления», но хорошее ним знакомы; а с другой стороны, лица, которые разделяют этот образ мыслей, но живут и пишут в Петербурге?.. Нам кажется, что славянофильству чуть ли не более следует название *петербургского* направления, чем московского. По крайней мере, сколько мы знаем славянофильство, оно совсем не так ново на Руси, как, может быть, думают сами последователи этого учения. Кому неизвестно, что успехи Карамзина в преобразовании русского литературного языка вызвали, в начале нынешнего столетия, партию, которая, вооружаясь против его нововведений, думала отстаивать от иноземного влияния родной язык и добрые праотческие нравы! Как вы думаете, не сродни ли эта партия нынешним славянофилам?^[6] Вот несколько стихов на выдержку из послания Василия Пушкина к Жуковскому, пьесы, по которой можно, до известной степени, судить о живости и характере борьбы двух партий нашей литературы того времени:

.....

В чем уверяют нас Паскаль и Боссюэт,
В Синописе того, в Степенной книге нет,
Отечество люблю, язык я русский знаю;
Но Тредьяковского с Расином не равняю, —
И Пиндар наших стран тем слогом не писал,
Каким Баян в свой век героев воспевал.
Я прав, и ты со мной, конечно, в том согласен;
Но правду говорить безумцам – труд напрасен.
Я вижу весь собор безграмотных *Славян*,
Которыми здесь вкус к изящному поправ,
Против меня теперь рыкающий ужасно.
К дружине вопиет наш Балдус велегласно:
«О братие мои, зову на помощь вас!
Ударим на него – и первый буду аз.
Кто нам грамматике советует учиться,
Во тьму кромешную, в геенну погрузится;
И еще смеет кто Карамзина хвалить,
Наш Долг, о людие, злодея истребить».

.....

Итак, любезный друг, я смело в бой вступаю;
В словесности раскол, как должно, осуждаю.
Арист душою добр, но автор он дурной,
И нам от книг его нет пользы никакой.
В странице каждой он слог древний выхваляет
И русским всем словам прямой источник знает:
Что нужды? Толстый том, где зависть лишь видна,
Не есть лагарпов курс, а пагуба одна.
В славянском языке и сам я пользу вижу,
Но вкус я варварский гоню и ненавижу.
В душе своей ношу к изящному любовь;
Творенье без идей мою волнует кровь.

Слов много затвердить не есть еще ученье:
Нам нужны не слова, нам нужно просвещение.^[7]

Видите ли: и здесь уже люди, объявившие себя против европейского образования, названы *славянами*: а далеко ли от *славян* до *славянофилов*? Правда, с обеих сторон здесь спор чисто литературный, потому что другого тогда и не могло быть; и разумеется, славянофильская партия нашего времени двинулась дальше своей прародительницы. А где было гнездо этой старой славянской партии? – в Петербурге. Послание, из которого мы выписали несколько стихов, написано было в Москве – центре литературной реформы того времени. В последнее время славянофильство, как новое направление, резко и решительно провозгласило себя в московском журнале «Москвитянине»; но и тут оно упреждено было в Петербурге: издание «Маяка» началось годом ранее «Москвитянина». Многие славянофилы не любят вспоминать о «Маяке», как будто чуждаются его, никогда не высказывают своего мнения ни за, ни против него; подумаешь, что они и не знают ничего о существовании подобного журнала. А это оттого, что «Маяк» был самым крайним и самым последовательным органом славянофильства. Верный своему принципу, исходному пункту своего учения, он никогда не противоречил ему и логически дошел до крайних, до последних своих результатов. Он не признавал ни тени истины во всем, что хоть сколько-нибудь противоречило его основному убеждению; и если знаменитейших представителей русской литературы, от Ломоносова и Державина до Пушкина, он объявил зараженными западною ересью, вредными и опасными для нравственной чистоты русского общества, – он сделал это не по чему другому, как по строгой последовательности, строгой верности началу своего учения. В нем все было едино и цело, все сообразно с его направлением и целью: и язык, и манера выражаться, и литературное и художественное достоинство его стихов и прозы. Он больше славянофил, чем «Москвитянин», и потому имел полное право смотреть на него, как на противоречивого, непоследовательного органа того учения, которое во всей чистоте своей явилось только в нем, пресловутом «Маяке». Но этим самым, разумеется, он оказал очень дурную услугу славянофильству, потому что выставил его на позорище света в его истинном, настоящем виде; а известно, что есть предметы, которые стоит только выказать в их действительном значении и образе, чтобы уронить их, хотя это делается иногда и с целью, напротив, поднять и возвысить их в глазах общества.

Как бы то ни было, но из всего сказанного нами неоспоримо следует, что называть славянофильство «московским направлением» отнюдь не следует, потому что Петербургу славянофильство принадлежит не только не меньше, но чуть ли еще не больше, чем Москве. Отстранивши от Москвы так не впопад навязываемое ей московскими славянофилами исключительное право на славянофильство, мы действуем в ее пользу, а не против ее. Но точно так же мы не согласились бы называть славянофильство и «петербургским направлением». Только тогда можно означить какое-нибудь направление именем города, когда оно действительно есть главное, исключительное направление этого города, а все другие, существующие в нем направления, являются на втором и третьем плане, слабы, незначительны, ничтожны. Но по поводу славянофильства этого нельзя сказать ни о Петербурге, ни о Москве. В том и другом городе жили и действовали знаменитейшие представители нашей литературы, имевшие решительное и важное влияние и на литературу и на образование общества, – и они-то, между тем, несколько не принадлежат к славянофилам. Мы знаем, что гг. московские славянофилы могут указать нам с торжеством по крайней мере на два знаменитые в литературе имени, как такие, которые, если бы и не принадлежали им вполне, то более или менее симпатизируют с ними – особенно на имя Гоголя, после издания его «Переписки с друзьями». Но это ровно ничего не доказывало бы в их пользу, потому что великое значение Гоголя в русской литературе основывается вовсе не на этой «Переписке», а на его прежних творениях, положительно и резко антиславянофильских. И потому гг. московские славянофилы были бы вполне верны

своей точке зрения, если бы восхищались только «Перепискою», а на все другие произведения Гоголя смотрели бы косо. Но они и их приняли под свое высокое покровительство, вероятно, ради будущих, новых его произведений, которых характер заранее определяется в их глазах «Перепискою». «Маяк» никогда не обнаружил бы такой непоследовательности: если б он здравствовал доселе, вероятно, он расхвалил бы «Переписку» и простил бы за нее Гоголю его прежние произведения, но только простил бы, не отрицая настоятельной необходимости для них очистительного ауто-да-фе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Осенью 1846 года Н. А. Некрасов и И. И. Панаев купили у П. А. Плетнева право на издание «Современника» (нотариальное оформление от 23 октября). «Современник» был основан в 1836 году А. С. Пушкиным. После его смерти журнал перешел к его друзьям; редактором был П. А. Плетнев. Журнал влачил жалкое существование. Для Некрасова и Панаева он был истинной находкой. Панаев писал Н. Х. Кетчеру в Москву 26 сентября 1846 года: «Я купил у Плетнева журнал. Кажется, лучше этого быть ничего не может. Журнал не запачканный, глухо и неслышно тянувший свое существование и носящий такое удивительное имя!..» Под новой редакцией и при идейном руководстве Белинского журнал совершенно переродился. В 1847–1848 годах и затем в 60-е годы он был самым передовым журналом в России.

2.

Второй статьей – был ответ К. Д. Кавелина в «Современнике», 1847, т. VI, № 12, отд. III, стр. 110–134.

3.

Официальным редактором «Современника» (и в сущности его «внутренним» цензором) был А. В. Никитенко. Панаев писал об этом Н. Х. Кетчеру: «Ответственным перед правительством редактором взялся быть Никитенко, – это важно. Без такой гарантии нельзя было в настоящую минуту и приниматься за это дело».

4.

У Самарина: «Может быть мы ошибаемся», то есть без «и» (стр. 135).

5.

Из басни И. А. Крылова «Музыканты».

6.

Белинский имел в виду «Беседу любителей российской словесности» (1811–1816) во главе с адмиралом А. С. Шишковым. «Шишковистам» противостояло литературное общество «Арзамас» (1815–1818), состоявшее из последователей Карамзина. Участник общества, поэт К. Н. Батюшков, высмеял «шишковистов» в сатире «Видение на берегах Леты», в которой впервые употребил термин «славянофил».

7.

«Стихотворения Василия Пушкина». Спб., 1822, стр. 8–9. Белинский мог пользоваться также и посмертным изданием 1835 года.